
Н.И. Шубникова-Гусева

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

26 ноября поэт лег в клинику 1-го Московского государственного университета. Там были написаны стихотворения «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...» и др. 21 декабря Есенин ушел из клиники. В Госиздате написал заявление с просьбой аннулировать все доверенности, гонорар выдавать только ему и снял со сберкнижки почти все имеющиеся деньги, необходимые для поездки в Ленинград. 23 декабря посетил Госиздат, просил выслать гранки его Собрания в Ленинград и выехал из Москвы вечерним поездом. Здесь, в городе, где к поэту пришла известность и слава, он собирался начать новую жизнь.

В Ленинграде Есенин остановился в гостинице «Англетер», известном всем петербуржцам «скромно-барственом отеле на Исаакиевской площади».

27 декабря поэт написал собственной кровью стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Необычное обстоятельство написания стихов он в тот же день объяснил тем, что в гостинице нет чернил. На самом деле Есенин уже писал кровью одну из дарственных надписей жене поэта Тициана Табидзе — Н.А. Табидзе на книге «Страна советская»: «Люби меня и голубые рога <лит. группа грузинских символистов >. Сергей Есенин <Февраль 1925. Тифлис>.

Обычай писать кровью восходит к рыцарской традиции и отражен в стихотворении Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...»:

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei¹ кровью
Написал он на щите.

Стихотворение Есенина, состоящее всего из восьми строк, таит множество загадок. Идут споры об адресате этих стихов, которые поэт в этот же день передал В.И. Эрлиху. Но скорее всего, как считал В.Г. Шершеневич, оно «написано к несуществующему другу, в пространство». Один из зарубежных исследователей заметил, что Есенин в нем «памятливо прочел немецкую масонскую похоронную песню» в переводе Ап. Григорьева (есть доказательства того, что с книгой «Стихотворения Апполона Григорьева», 1916, Есенин был знаком):

До свиданья, брат, о, до свиданья!
Да, за гробом, за минутой тьмы,
Нам с тобой наступит час свиданья
И тебя в сияньи узрим мы!

Не менее любопытен еще один штрих. Первая строка «До свиданья, друг мой, до свиданья...» напоминает начало «Черного человека», написанного с оглядкой на «Моцарта и Сальери». А в завершающей сцене маленькой драмы Пушкина Сальери в ответ на слова Моцарта: «Прощай же!», зная, что отравленный Моцарт скоро умрет, — отвечает ему: «До свиданья».

В последнем есенинском стихотворении есть многозначное определение: поэт называет расставанье «предназначенным», то есть предопределенным. Но неясно — самой жизнью, конечностью человеческого пути или тем, что Есенину суждено принять смерть от каких-то неведомых нам обстоятельств. Такие стихи могут быть обращены к умершему

¹ Славься, Матерь Божья (лат.).

другу или, если поэт знал, что ему суждена смерть, к тому, кто уйдет вслед за ним, потому что их содержание сводится к «предназначенной» встрече.

И еще — заключительные строки, ставшие афоризмом:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

После этих слов, по мнению Маяковского, смерть Есенина стала литературным фактом (В. Маяковский. «Как делать стихи 1926).

Утром 28 декабря Есенин был найден повешенным в своем номере гостиницы «Англетер».